

О японской политике и политологии (по страницам трудов Иногути Такаси)

С.В. Чугров

В этом обзорном эссе рассматриваются тексты, написанные за последние шесть лет политологом мирового класса Иногути Такаси и посвященные анализу японской политики и политологии. Хотя современная политология возникла только в XX веке, ее истоки, подчеркивает Иногути, лежат в Древних Греции, Месопотамии, Египте, Индии и Китае. Принципиальный момент, который отмечает Иногути, это глубокое различие между авраамической и дхармической традициями. Первая тесно связана с христианством, исламом и иудаизмом, акцентируя ориентацию на стандартизацию и унификацию различий, тогда как вторая сопрягается с буддизмом, индуизмом, даосизмом и синтоизмом, в которых доминирует ориентация на всеохватывающее разнообразие и уважение к различиям, сосуществующим в гармоничном единстве. Центральный вывод Иногути таков: «Нет ни западной политологии, ни незападной, а есть политология, которая сопрягает и уравнивает две традиции – авраамическую и дхармическую».

Ключевые слова: Япония, Иногути Такаси, внутренняя политика, внешняя политика, незападные политические теории, международные отношения, сравнительные исследования.

Иногути Такаси (猪口孝, Inoguchi Takashi, Иногучи Такаши) – политолог и политический философ, неординарная личность в сегодняшней политической аналитике, энциклопедист в полном смысле этого термина. Его концепция мировой политики рельефно предстает перед нами в книгах и статьях, вышедших за последние пять-шесть лет [2–11]. Судя по информации на сайте Университета префектуры Ниигата, у него богатейший международный опыт и впечатляющая научная карьера. Иногути – выпускник Токийского университета (1966 г.), PhD в области политических наук он получил от Массачусетского технологического института (1974 г.). В 1974–1977 гг. был доцентом факультета иностранных языков Софийского университета, в 1977–2005 гг. – доцентом, потом профессором Института восточной культуры Токийского университета. С 2005 г. он преподает на юридическом факультете Университета Тюо, с 2009 г. – ректор Университета префектуры Ниигата. В 1990-х годах и в начале нынешнего века он занимает видные посты в международных и национальных организациях: 1992–1996 гг. – член Комитета по обеспечению мира и безопасности в Совете социологических исследований (США), 1995–

1997 г. – старший вице-ректор Университета ООН (United Nations University), 1998–2000 гг. – заместитель генерального секретаря Организации по взаимодействию университетов в АТР (University mobility in Asia and Pacific), 2000-2002 гг. – председатель Японской ассоциации международной политики, с 2000 г. по настоящее время – член Консультативного совета по правовым вопросам, с 2001 г. – член Комитета стратегического планирования ООН (под председательством Кофи Аннана), с 2003 г. член Японского научного совета, с 2004 г. – председатель Исполнительного комитета Азиатской ассоциации политических исследований, а также член Международного комитета по изучению мира ЮНЕСКО (под председательством Г. Киссинджера) [1].

Ежегодно появляются его новые труды, достойные внимания экспертов. В монографии «Политическая теория» (2015) сэнсэй описывает проблематику национальной политологии, подчеркивая ее специфику. С начала нынешнего века японские исследователи, по его суждению, сконцентрировались на изучении истоков отечественной политики в исторической ретроспективе. Иногути подмечает перемещение фокуса на постижение смыслов национального «нового самосознания» [2, с. 143]. Однако, по мнению Иногути, у японских аналитиков сегодня нет былого особенного интереса к текущей национальной политической тематике. Рассматривая спектр пристрастий своих коллег, ученый опирается на результаты репрезентативного социологического замера интересов профессионального сообщества политологов. Каждый из них, отвечая на вопросы анкеты и выбирая из всех направлений политических исследований, должен был выделить только три направления, максимально приближающихся к сердцевине его (или ее) изысканий (скажем, «институциональные исследования», «политическая антропология», «дипломатия и МО» и т.п.). Оказалось, что лишь 120 из двух тысяч ученых остановили свой выбор на строке «современная японская политика». По собственному признанию, Иногути предпочел для себя такие направления: политическая теория, сравнительная политология, международные отношения [2, с. 144]. При этом он обращает наше внимание на интернационализацию политической науки. С углублением глобализации, уверен он, складывается социум, сформированный на основе знания («общество знания»). Национальная политическая наука, убежден исследователь, – вовсе не исключение в этом отношении [2, с. 155–156], несмотря на то, что она не теряет своей специфики в сфере истолкования политических нюансов. В «Политической теории» он упоминает предложенный еще в прошлом десятилетии Владиславом Сурковым термин «суверенная демократия» и рассматривает его с точки зрения инструментария, предохраняющего Россию от влияния извне. Общаясь с японским профессором, я с удивлением отметил его самый живой интерес к концепту «суверенной демократии» и к российским дискуссиям вокруг этого понятия. Судя по оживленным дискуссиям в ходе наших неоднократных встреч на протяжении последнего десятилетия, от его внимания не ускользнуло, что некоторые представители властных структур ищут в среде российских НКО иностранных агентов. Причиной тому, как следует из высказываний сэнсэя, – навязчивое стремление власти предрержащей надежно предотвратить какое-либо чужеземное влияние на общественные настроения. Они стараются не допустить того, чтобы общество скатилось на путь «цветных революций», которые разбалансировали обстановку на Украине, в Грузии или в Кыргызстане – даже если это влияние, как замечает Иногути,

осуществляется демократическими методами [2, с. 7–8]. Можно прокомментировать, что, видимо, этот концепт болезненно важен для Японии, на суверенность которой наложены конституционные ограничения, запрещающие ей иметь полноценные вооруженные силы. Сейчас Япония, как мы знаем, исподволь обходит эти запреты, создавая современные виды оружия, но, понятно, нуждается в надежном идеологическом оправдании и легитимизации своих действий.

Помимо осторожности в суждениях и склонности к политкорректности, японцы отличаются от представителей многих других наций тем, что им исконно присущ некий уход от определенности, стремление к пластичной неоднозначности, расплывчатости. Исследователь так пишет об этом в «Политической теории»: «Несколько удивительным было узнать, что из представителей 18 стран – девяти азиатских и девяти европейских – доля японских респондентов, которые осознавали идентичность собственной страны Японии, оказалась самой низкой. Японцы колеблются в ощущении идентичности собственного государства, или народа» [2, с. 171]. Именно на этом основании в социологических анкетах они нарочито стремятся отдавать предпочтение ответу «Не знаю».

Несмотря на несомненную склонность к политической теории, профессор Иногути – один из тех, кто ведет интенсивный мониторинг политических событий вокруг Японии и систематически анализирует текущие тренды. Любопытными доминантами национального политического пейзажа можно считать такие специфические модели, которые ученый именует «демократия *караоке*» и «демократия *кабуки*».

Иногути, выстраивая свою оригинальную логику политического исследования, подвергнул разбору деятельность и мировоззрение национальной консервативной элиты, которую представляют примерно два десятка японских премьер-министров второй половины XX века и полутора десятилетий века нынешнего. «Демократия *караокэ*» означает, что «исполнители» (политические акторы) все время меняются, а «мелодия» (политическая линия) остается неизменной. Лидеры, олицетворяющие такую манеру политического поведения, сравнительно безлики, лишены харизмы, они автоматически осуществляют свою функцию как часть общего механизма. «Как и на сцене *караокэ*, певцы по очереди подходили к микрофону и отходили от него, но тексты песен оставались неизменными» [3, с.2], – констатирует ученый.

Полный контраст с «демократией *караокэ*» – «демократия *кабуки*», которая опирается на закономерности традиционного театрального искусства, заложенные еще в XVII веке: «*Кабуки* в своей современной форме – волнующее действо, драматическое шоу и экстравагантность, не для узкой элиты, а для *hoi polloi* (οἱ πολλοί, «многих». – Прим. ред.). В демократии *кабуки* политические лидеры вносят в свою роль на национальной политической сцене персонализм и эмоции» [3, с. 1–2]. Применяя лингвистический анализ для трактовки термина «демократия *кабуки*», Иногути ссылается на этимологию. Слово *кабуки* означает «склоняться в определенную сторону», а некоторые лингвисты, по его свидетельству, связывают это слово с *катамуки* – «имеющий пристрастие, сильную склонность к определенному способу действий» [3, с. 5].

К таким лидерам Иногути в рамках широкой исторической ретроспективы причисляет, скажем, премьер-министров Ёсида Сигэру, Танака Какуэй и Коидзуми Дзюнъитиро. Особое

внимание он уделяет Коидзуми (2001–2006 гг.), который категорически опроверг расхожее мнение о «нерешительной политике» (*кимэраэрэнай сэйдзи*) японских лидеров. Именно ему удалось несколько откорректировать дисбаланс между финансово-экономической мощью страны и относительно скромной ролью в глобальной политике, изменить национальную военную доктрину в сторону более самостоятельного принятия решений об использовании Сил самообороны за пределами Японских островов, дать однозначный сигнал национальному бизнес-сообществу активизироваться на российском направлении [5, с. 21–24]. Иногути с горечью отмечает, что политический стиль *кабуки* исчез со сцены вместе с Коидзуми: «...Демократия *караокэ* вернулась на сцену, как только микрофон стал переходить от одного нового премьер-министра к другому» [3, с. 2].

В своих труда Иногути постоянно подчеркивает и анализирует эту специфическую черту японской политики – частую смену премьер-министров, напоминающую чехарду. В монографии «Японская и российская политика. Полная противоположность или нечто общее?», вышедшей в 2015 г. на японском и английском языках [4–5], политолог обращает внимание на два важных обстоятельства: «Во-первых, это – стагнация экономики, которая превалировала с 1991 г., когда лопнул крупнейший мыльный пузырь. Между 1991 и 2012 г. сменилось 12 премьеров. А экономика, пораженная дефляцией, продемонстрировала годовой рост от нуля до одного процента. Между 2006 и 2012 г. только дважды проведены всеобщие выборы (а именно, в 2006 и 2012 г.). Во-вторых, премьер-министры не пользовались сильной электоральной поддержкой, и часто обстоятельства склоняли их к тому, чтобы бесконечно затягивать проведение всеобщих выборов. Между 2006 г., когда ЛДП уступила власть ДПЯ, и 2012 г., когда ЛДП вернулась к власти, сменились шесть премьер-министров». Иногути утверждает, что «эти два условия привели к тому, что электорат аккумулировал недовольство, что привело к большому размаху смены паттернов партийной поддержки, т.е. от перехода поддержки от ЛПД к ДПЯ в 2009 г. и обратно от ДПЯ к ЛДП в 2012 г. С возвращением во власть премьер-министра Абэ Синдзо в конце декабря 2012 г. эти два условия явно исчезли, по меньшей мере, на какое-то время. Во-первых, экономическая политика Абэ привела к количественной либерализации монетаризма с марта 2013 г., которая вылилась к лету 2013 г. в ослабление японской иены по отношению к доллару и основным валютам. Это оживило такие экспортные секторы, как автомобилестроение, производство электроаппаратуры, строительной техники, прецизионных станков, туризм. Средневзвешенные индексы стоимости акций подскочили примерно до 16 тысяч иен с нижней точки менее 10 тысяч иен в 2012 г.» [5, с. 6].

В наше время, пишет Иногути в *Japanese Policy Today*, Япония испытывает нужду в ярких, независимых, харизматичных руководителях, а отнюдь не в безликих функционерах. Оценивая ресурс сегодняшнего руководителя страны Абэ Синдзо, Иногути, правда, осторожно, причисляет его к лидерам, которые вписаны в контекст времени и могут принимать смелые решения, которые способны трансформировать экономику и политику страны в кризисную эпоху [6–7].

Конечно, Иногути – в основном «продукт» западной политологии и достойный продолжатель традиций ее мейнстрима. Проглядывая его «Политическую теорию», можно пытаться отыскать некие черты «незападного мышления», но едва ли таковые бросятся в

глаза. Перед нами вполне уважаемое исследование в рамках мейнстрима современной методологии, детально разработанной западными мэтрами политической науки. Приводя классические дефиниции политической теории, Иноугути дает ссылки на этих столпов политологии Запада: «Политическая теория – это комплекс утверждений о том, “кто получает, что, когда и как” (Гарольд Лассуэлл) и о “властном распределении ценностей в обществе” (Дэвид Истон), охватывающих крайне обширный спектр объектов» [2, с. 1]. Вместе с тем иногда в суждениях «западника» Иноугути ощущается некий, порой едва уловимый, порой совершенно определенный акцент незападного мировосприятия. (Тут лучше говорить не о Востоке, а о Западе.) И в этом смысле Иноугути – безусловно, колоритный «продукт» японской культуры и традиции!

Не секрет, что ключи ко многим вопросам политологии можно найти у философов полисов Древней Греции и античного Рима, что истоки сегодняшнего дискурса политической науки восходят к социокультурным и политико-философским трудам мудрецов древности, в которых не было даже намека на противопоставление Запада и Незапада. Именно это подчеркивает Иноугути: «Хотя политическая теория как часть современной дисциплины политологии возникла только в XX веке, ее истоки, несомненно, лежат в идеях мыслителей Древних Греции, Месопотамии, Египта, Индии и Китая. Можно привести отрывки из Аристотеля, Каутильи или Конфуция, чтобы продемонстрировать, что они являлись учеными-политологами и что эта наука, хотя и возникла недавно, обладает очень древними корнями» [2, с. 2]. Можно добавить, что классические тексты брахманизма и изначального буддизма «Артхашастра», «Дхаммапада» и др. уже включают стержневые концептуальные положения древнеиндийской мысли, актуальные и для исследований сегодняшних политологов. Ряд смысложизненных принципов интеллектуального развития современного Китая можно найти в наследии таких древних учений Поднебесной, как даосизм, легизм и монизм. Некоторые исследователи (например, Ду Вэймин, директор Пекинского института исследований проблем гуманизма, известный в нашей стране больше как Ту Вэймин), аргументированно доказывают, что в наборе конфуцианских норм содержатся некие скрытые возможности, в которых заложен огромный мобилизационный потенциал развития будущего общества. Собственно, Китай и ряд стран конфуцианского ареала демонстрируют беспрецедентный динамизм экономического развития на определенных отрезках истории. Представления китайцев и китайской диаспоры в мире о долге, труде и этических правилах, о жестких рыночных нормах или, например, о правах человека куда пластичнее, гармоничнее, чем формальные постулаты западных концепций. Незападные схемы поведения и реагирования отличаются холистическим характером, на индивидуальном уровне в них превалируют гармонизация интересов и стремление к социальному миру, а на глобальном – баланс сил и формирование коалиций (*Pax consortis*), а вовсе не примат прав человека, достоинства личности и, тем более, не стремление подчинить себе «другого» или доминирование эгоистических стремлений на всех уровнях, как в западных социокультурных и политических теориях. (Несомненно, это противопоставление несколько схематично, и, конечно, есть о чем поспорить в оценке преимуществ и недостатков западной и незападной моделей.) Иноугути подчеркивает, что цивилизации, как и национальные лидеры, обязаны «соответствовать времени, быть

вписанными в контекст времени» (для того, чтобы особо акцентировать это обстоятельство, политолог иногда прибегает к немецкому термину *zeitgemäßig* [7, с. 58]).

Но еще раз взглянем на ключевые составляющие в трактовке Иногути политической теории. В его представлении, политическая теория соединила и классическую философию, и эмпирическую политическую теорию, и формальную политическую теорию [2, с. 4]. Исследователь отдает должное фундаментальным постулатам западной, в первую очередь разработанной в США, политической науки. Он считает, что американская политология взвалила на себя функцию первопроходца, успешно развилась на сформированных ею базисных понятиях и первоначальных ориентировках, задала рамки для поисков ответов на самые сложные вопросы политической науки. Она самодостаточна уже потому, что сформулировала понятийную систему, которую признали и начали использовать национальные политологические школы других стран [2, с. 157]. Но в то же время, акцентирует Иногути, нужно критически отдавать себе отчет в том, что, распространяя свои идеи за пределы национальных границ, американский стиль мышления экспортирует с североамериканского континента свое интеллектуальное влияние на внешний мир [2, с. 158]. В этом смысле, конечно, надо отделять зрелые «зерна», которые, несомненно, вырастила американская политология, от «плевел».

Надо обратить больше внимания на тот набор ценностей, который заложен в социокультурном и социогенетическом кодах Незапада, например, стран Восточной Азии, которая бежит антропоцентризма западного мышления, появившихся в лоне европейского гуманизма и универсализма. Суть в том, что Незападу чужд некий универсальный метанарратив. В незападном мировоззрении в большей степени важны такие ориентиры, как космоцентризм, приближение к макрокосмосу и микрокосмосу природы, естественной среды. Холистические принципы такого целостного мировоззрения подчиняют человека ценностям «мы-группы», прежде всего, окружающей среде, соседству, сообществу, опирающимся на взаимопомощь, а не на примат индивидуального «я». Это не столько «я-индивид» (*in-divide*, «неделимый»), сколько *дзибун*, «моя доля» в общих ценностях, в сообществе.

В своих трудах, которые базируются на таком количественном методе, как факторный анализ, Иногути дает красноречивые примеры организации социально-политического уклада жизни в Восточной и Юго-Восточной Азии, которые существенно не похожи на знакомые западные схемы. Например, Камбоджу, Лаос и Мьянму объединяет размытость различий между общественным и частным пространствами, которые как бы переплетены, смешаны между собой [8, с. 603].

Сэнсэй Иногути удивляет коллег удивительной прозорливостью. Так, еще за 2–3 года до присоединения Крыма, до майдана и драматических событий на юго-востоке Украина, до введения санкций и российско-западной конфронтации по многим азимутам Иногути пишет о «квазиокончании холодной войны». И не только потому, что холодная война возродилась в новой ипостаси – в виде войны гибридной. Вообще, «колея развития» сильно отличается на Западе и на Востоке. «Под квазиокончанием, – пишет политолог в книге *Political Parties and Democracy*, вышедшей в 2012 г., – я подразумеваю, что холодная война закончилась в Европе, но не обязательно в Азии. Если Советский Союз развалился, то Китайская Народная Республика прошла сквозь брутальное подавление демократических протестов в 1989 г.,

появившись в качестве активного экономического игрока после снятия в 1991 г. эмбарго против Китая, наложенного западными и японским правительствами. Корейская Народно-Демократическая Республика выжила и чувствует себя вполне сносно, балансируя на нижней точке равновесия, порой заявляя о себе, несмотря на слухи, напоминающие преувеличенные предсказания («преждевременной смерти». – *Прим. ред.*) в духе Марка Твена» [9, с. 112].

Пристальное внимание политолог уделяет нашему отечеству, хотя, по его признанию, в новой России, к большому его сожалению, так и не удалось пока побывать, а его былой опыт посещений СССР безнадежно «вышел в тираж». Россию и Японию, по его представлению, можно отнести к разряду хрестоматийных пар государств, числящихся абсолютно противоположными по различным меркам, затрагивающим особенности мышления, национальные ценности, политико-экономическое развитие [3, с. 9–10]. Менее жесткий ракурс, в глазах Иногути, имеет в виду изучение автономных областей, образовавшихся между социокультурными, внутри- и внешнеполитическими факторами и взаимодействием наших двух цивилизационных моделей. По методологической схеме Иногути наши отечественные и японские политологи и историки провели параллельный сравнительный анализ, который обнаружил пересечения и совпадения в социокультурном «геномном коде», особенностях менталитета обеих наций. К примеру, сходны паттерны самовосприятия обоих народов, органической личностно-государственной взаимосвязи, так как на протяжении веков сформировался инерционный заряд у привычки считать, что власть и индивидуальные интересы составляют как бы одно живое тело. Вспомним теорию государства-тела *кокутай*, достигшей своего парадоксального апогея в Японии 1930-х годов в лозунгах *иккоку иссин* («одно государство – одно сердце») и *итиоку гёкусай* («сто миллионов – яшма вдребезги»; «смерть за императора». – *Прим. ред.*). Подобные лозунги смыкаются и с представлениями отдельных отечественных философов о государстве российском как едином теле, и с воззрениями конфуцианского толка на взаимосвязанность социальных слоев в идеальном общественно-государственном устройстве.

Если дальше перечислять особенности менталитета незападных наций, неизбежно встает вопрос о наличии или отсутствии незападной политической науки. Действительно, когда на нашей памяти незападный исследователь предложил концепцию, которая продвинула бы наши представления о категории политического? Какая китайская, индийская, японская или арабская идея изменила наш взгляд на мировые закономерности, как, например, концепты «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, «текучей современности» З. Баумана, «конца истории» Ф. Фукуямы или «мягкой силы» Дж. Ная-младшего? Иногути уже приходилось размышлять об универсальной политической теории и незападных теориях международных отношений [10, 11].

В апреле этого года я предложил профессору Иногути дать ответ на вопрос о незападной политологии. Не задумываясь ни на секунду, он спросил в свою очередь:

– А существует ли западная политология, в полном смысле достойная этого названия?

По некотором размышлении, в конце этого апреля он изложил свое видение проблемы в одном из электронных писем. Цитирую с небольшими сокращениями его рассуждения¹.

«Размышляя над сущностью азиатской политики, я ловлю себя на том, что некоторые западные политологи живут в густой тени великих философов – Гегеля (концепция индивидуальной свободы), Маркса (концепт азиатского способа производства), Виттфогеля (концепт азиатской диктатуры)»². Сэнсэй делает вывод: «Власть всюду доминирует на азиатской сцене». Но он сам же опровергает эту точку зрения в рассуждениях о «множественных способах процветания в Азии» (*multiple modes of well-being in Asia*). С помощью факторного анализа индекса удовлетворенности повседневной жизнью (*factor analysis of daily life satisfaction*) он стремится нарисовать типологию азиатских обществ с упором на ключевые ориентации общества в противопоставлении государству. «Понять парадоксальность ситуации непосредственно помогает разбор Энтони Гидденсом западной *modernity*. Он утверждает: поскольку Запад стал выступать в защиту меритократической демократии после того, как в равной степени энергично выступал за идеалы Промышленной революции, это означает, что западные общества к концу XX века основательно выработали свой ресурс и ощутили, что не в шутку истощены» [там же]. Утверждение Гидденса о том, что западное общество в течение двухсот лет демонстрировало поступательное движение, по мнению Иногути, было опровергнуто Хуан Пинем, директором Института США Академии общественных наук Китая. «Хуан Пин постулирует, что принцип меритократии был изобретен в Китае 2000 лет назад. Китайское общество, тем не менее, было на грани полного истощения к середине XIX века, продвигаясь на протяжении последующего столетия по пути дестабилизации и обретения полуколониального статуса»³. Прилагательное «незападная», будучи прикрепленным к названию академической дисциплины – политологии – также, по мнению Иногути, нуждается в комментировании.

Дополню эти рассуждения красноречивой цитатой из «Политической теории»: «В Западной Европе разграничение между сакральным и секулярным проводилось постепенно, но достаточно последовательно во времена Просвещения и Реформации и распространилось в дальнейшем по всему миру – по крайней мере, на поверхностном уровне. Следовательно, секуляризм тесно связан с западной культурой. Считается, что религия и политика были разделены на Западе с начала современной эпохи. То же самое можно сказать и об отношениях между религией и наукой. Вильям Оккамский дал раннее эпистемологическое обоснование того, что сейчас бы назвали “современной наукой”, проведя четкую разграничительную линию между реализмом и номинализмом. Реализм относится к школе мысли, согласно которой Бог существует в реальности, которая воспринимается как базис этого знания. Номинализм разделяет точку зрения, что Бог существует постольку, поскольку

¹ В этом обзоре цитируются некоторые фрагменты эссе автора «Существует ли незападная политология?», которая выйдет в самом конце июля в журнале «Полис. Политические исследования» (№ 4, 2016). Они основаны на беседах автора с ученым и извлечениях из переписки с проф. Т. Иногути, которые представляются автору настолько интересными, что он считает необходимым поделиться ими не только с политологами-теоретиками общего профиля, но и с коллегами-японоведами.

² Электронный архив автора. Письмо Иногути Такаси 26.04.2016.

³ Там же.

концепция Бога существует в человеческом воображении. На основе этого положения наука отделилась от сферы сакрального и достигла впечатляющего прогресса» (с. 3).

Сопоставляя траектории развития западной и незападной мысли, Иногути замечает в письме автору, что если западное общество избавилось от контроля со стороны Ватикана еще в эпоху Ренессанса, а в ходе Реформации продолжило секуляризацию в профессиональной и повседневной жизни, то во многих незападных странах, например, буддистского ареала, не наблюдалось столь явственного разделения. Познание внешнего мира в незападном мире по-прежнему неразрывно связано с познанием своего внутреннего мира. Духовное восприятие всего сущего там тесно сопряжено с когнитивным познанием холистического типа, что вовсе не означает какого-то явного противопоставления развитию науки. «Принимая это как само собой разумеющееся, нужно обратить внимание на рождение науки в Древней Индии, где впервые было обнаружено принципиальное различие между нулем и единицей. Незапад снова оказался впереди Запада. Это относится ко многим общественным наукам. А значит, можно прекрасно обойтись без прилагательного “незападный”... – считает ученый. – Со времен Аристотеля и в последующие эпохи задача политической науки – видеть и указывать на различия между политическими режимами, монархией, аристократией, демократией, диктатурой и т.д. Одна из очевидных слабостей западной политической науки – это тенденция втискивать свои идеи в прокрустово ложе унифицированной интерпретации индикаторов, имеющих отношение к какой-либо части Запада, а затем принудительно навязывать их всем остальным»⁴.

«Еще один пункт, на который я хочу обратить внимание, – подчеркивает Иногути, – это различие между авраамической и дхармической традициями. Первая из них подчеркивает ориентацию на стандартизацию и унификацию различий, тогда как последняя подчеркивает ориентацию на всеохватывающее разнообразие и уважение к различиям. Первая из них теснейшим образом связана с иудаизмом, христианством и исламом, тогда как вторая тесно сопрягается с буддизмом, индуизмом, даосизмом и синтоизмом. Это отличие часто забывают, но оно важно для политического дискурса... Отсюда мой ответ на вопрос: *нет ни западной политологии, ни незападной, а есть политология, которая сопрягает и уравнивает две традиции – авраамическую и дхармическую* (выделено Т. Иногути)»⁵. Трудно сказать более ясно, без какой-либо оглядки на «туманность японских формулировок».

Список литературы

1. Официальный сайт Университета преф. Ниигата. URL: <http://www.unii.ac.jp/r/message.html>

2. Иногути Такаси. Сэйдзи рирон : [Политическая теория]. Токио: Минерва, 2015. v+278 с. (猪口孝。政治理論。猪口孝編者。東京: ミネルヴァ書房、2015。)

⁴ Там же.

⁵ Там же.

3. *Inoguchi T., Jain P.* Introduction. From Karaoke to Kabuki Democracy: Japanese Politics Today. – Japanese Politics Today. From Karaoke to Kabuki Democracy. Ed. by T. Inoguchi, P. Jain. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 1–9.
4. Нихон то Росиа. Магяку ка сои ка? : [Япония и Россия. Полные противоположности или просто различия?]. 2015/ под ред. Иногути Такаси. Токио: Хара сёбо, 2015. С. 40-62. [日本とロシア。真逆か相違か? 猪口孝編者。東京: 原書房, 2015].
5. *Inoguchi T.* Japan and Russia: Domestic Politics and Foreign Policy (Introduction). Politics of Swings (Chapter 1) // Japanese and Russian Politics. Polar Opposites or Something in Common. Ed. by Takashi Inoguchi. N.Y.: Palgrave Macmillan: 2015. P. 1–13, 17–31.
6. *Inoguchi T.* Japan in 2013: Abenomics and Abegeopolitics // Asian Survey. Vol. 54. No. 1 (January/February 2014). P. 101-112. DOI: <http://dx.doi.org/10.1525/as.2014.54.1.101>
7. *Inoguchi T.* Japan's Foreign Policy Line after the Cold War. – The Troubled Triangle. Economic and Security Concerns for the United States, Japan, and China. Ed. by T. Inoguchi, G. J. Ikenberry. N.Y.: Palgrave Macmillan: 2013. P. 35–62. DOI: http://dx.doi.org/10.1057/9781137316851_3
8. *Inoguchi T.* Multiple Modes of Wellbeing in Asia // Global Handbook of Quality of Life. Ed. by W. Glatzer et al. Dordrecht: Springer: 2015. P. 597–607. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-94-017-9178-6_27
9. *Inoguchi T.* Political Parties and Democracy. Contemporary Western Europe and Asia. Ed. by T. Inoguchi, J. Blondel. N.Y.: Palgrave Macmillan: 2012. x+240 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/9781137277206>
10. *Inoguchi T.* “Political Theory.” – International Encyclopedia of Political Science. Vol. 6. L.: Sage: 2011. P. 2050–2063.
11. *Inoguchi T.* Why Are There No Non-Western Theories of International Relations? The case of Japan. – Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and beyond Asia. Ed. by A. Acharya, B. Buzan. L., N.Y.: Routledge: 2010. P. 51–68.

Поступила в редакцию 30.06.2016

Автор:

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Полис. Политические исследования». E-mail: sergeychugrov@gmail.com

On Japanese Politics and Political Science (reading Inoguchi Takashi)

S.V. Chugrov

This essay reviews the works of a world-known political studies researcher, Inoguchi Takashi, on current Japanese politics and political science. Although political science emerged in the 20th century, its origin, according to Inoguchi, can be found in ancient philosophy conceptions of Greece, Mesopotamia, Egypt, India, or China. The key point emphasized by Inoguchi, is the deep distinction between Abrahamic and Dharmic traditions. The former can be associated with Christianity, Islam, and Judaism and focuses on standardization and unification, whereas the latter is associated with Buddhism, Hinduism, Daoism and Shintoism and focuses on embracing diversity and respecting differences. Hence appears Inoguchi's central conclusion: "Neither Western political science, nor non-Western political science exists; there is political science of embracing and equilibrating two traditions – Abrahamic and Dharmic.

Keywords: Japan; Inoguchi Takashi, politics, foreign policy, non-Western political theories, international relations, comparative studies.

Author:

Chugrov Sergey V., Doctor of Sciences (Sociology), professor, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia; editor-in-chief, "Polis. Political Studies" Journal.
Email: sergeychugrov@gmail.com